

УДК 811.161.1'38

О. П. Пушкарь

Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды

КАЛАМБУР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Рассмотрен наиболее типичный семантический механизм языковой игры в прозе Сергея Довлатова – каламбур. Проанализированы и сопоставлены семантические типы каламбура в произведениях советского и эмигрантского периодов творчества писателя. Выявлены характерные функции каламбура для каждого периода.

Ключевые слова: каламбур, языковая игра, семантический механизм, комический эффект, ирония, идиостиль.

Пушкар О. П. Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди. **КАЛАМБУР У ТВОРАХ СЕРГІЯ ДОВЛАТОВА**

Розглянуто найбільш типовий семантичний механізм мовної гри в прозі Сергія Довлатова – каламбур. Проаналізовано і порівняно семантичні типи каламбуру у творах радянського й емігрантського періодів творчості письменника. Виявлено характерні функції каламбура для кожного періоду.

Ключові слова: каламбур, мовна гра, семантичний механізм, комічний ефект, іронія, ідіостиль.

Pushkar O. P. Kharkiv national pedagogical university named after G. S. Scovoroda **PUN IN SERGEI DOVLATOV'S CREATIVITY**

The article discusses a pun as the most typical semantic mechanism of language game in Sergei Dovlatov's creativity. The research is based on V. Z. Sannikov's scientific works the deal with language game. The pun is considered to be the mechanism of semantic language game, which is based on the combination in one context of different meanings of one word or different words (phrases) that are identical or similar in sounding, mostly used to create comic (or artistic) effect.

The principal semantic types of the pun are determined and compared according to soviet and emigrant periods of S. Dovlatov's creative activity. The «mask»-pun is the favorite semantic type of pun in Dovlatov's prose (according to the frequency of use). The «neighbours» pun occurs the least. The main functions of language game in Sergei Dovlatov's artistic style of different periods are distinguished as following entertaining, estimating, masking and ironical.

Prospect of research is determination of another semantic mechanisms of language game functions in Sergei Dovlatov's idiostyle of different periods.

Key words: pun, language game, semantic mechanism of creation of the language game, comic effect, irony.

Каламбур как лингвистический феномен уже давно стал объектом изучения. В отечественной лингвистике интерес к каламбуру возник в 20–40-е годы. В те времена зародилось мнение о том, что каламбур – это низший разряд юмора, так называемая «словесная побрякушка», «пустое зубоскальство». Основывалось такое суждение на узком понимании каламбура как игры слов, построенной на созвучии. В советское время статус каламбура изменился. Им стали активно пользоваться писатели и поэты для того, чтобы обойти цензуру, замаскировать свое сообщение, выразить скрытые смыслы. Сейчас каламбур является одним из самых известных приемов языковой игры (далее – ЯИ).

Целью данной статьи является установление закономерностей использования каламбура как семантического механизма языковой игры в советской и эмигрантской прозе Сергея Довлатова, а также выявление характерных для идиостиля автора коммуникативных функций каламбура.

К анализу каламбура обращались в специальных работах многие исследователи, а именно: А. А. Щербина, Н. П. Колесников, Е. П. Ходакова, В. З. Санников, Е. А. Земская, А. М. Люксембург, Г. Ф. Рахимкулова и др.

По словам Н. П. Колесникова, «каламбур – основанная на звуковом сходстве игра равнозначными словами с целью произвести комическое впечатление» [2, с. 79]. Е. П. Ходакова понимает каламбур как «словесную игру, строящуюся на намеренном столкновении двух значений слова или сходных звучаний в разных словах» [7, с. 201]. Очевидно, что такое понимание каламбура слишком узкое. Оно соответствует пониманию термина «игра слов», которое предполагает обыгрывание только слов (в каламбуре обыгрыванию подлежат словосочетания и предложения). В нашем понимании каламбур является видовым понятием по отношению к игре слов.

А. М. Люксембург и Г. Ф. Рахимкулова считают, что «каламбур – это понятие, которое объединяет различные виды игровых манипуляций со словом в масштабах предложения, абзаца, иных единиц текста или же всего текста, цель использования которых в рамках традиционной стилистики определяется преимущественно стремлением к созданию комического, сатирического или пародийного эффекта, а в рамках игровой стилистики – совокупностью функций, общим элементом которых становится содействие организации текста как особой логической системы, строящейся по принципам игры» [3, с. 168–169].

В. З. Санников определяет каламбур как «шутку, основанную на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [5, с. 56].

Кроме того, Санников указывает еще несколько характерных черт каламбура: 1) в основу каламбура может быть заложена смысловая близость слов (псевдосинонимы, псевдоантонимы); 2) основная функция каламбура – развлекательная, но данный прием служит для реализации и других функций.

Итак, каламбур – это механизм семантической ЯИ, который основан на объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию, часто используемый для создания комического (или художественного) эффекта.

Фундаментальной представляется классификация каламбуров по характеру семантических связей между обыгрываемыми словами, предложенная В. З. Санниковым. Он выделяет три группы каламбура: 1) каламбур «соседи»; 2) каламбур «маска»; 3) каламбур «семья». Такая классификация каламбура наиболее полно отражает специфику его создания в текстах Довлатова.

Рассмотрим особенности художественного стиля советского и эмигрантского периодов творчества Сергея Довлатова в соответствии с данной классификацией каламбура.

Каламбур в творчестве Сергея Довлатова является одним из стилеобразующих средств. Об этом свидетельствуют выявленные нами многочисленные примеры с каламбурным обыгрыванием слов (96 примеров – советский период, 97 примеров – эмигрантский). Таким образом, каламбур как семантический механизм ЯИ, используемый С. Довлатовым для построения текста, является важным средством реализации художественного замысла.

Наиболее частотным в довлатовском тексте как советского (46 примеров), так и эмигрантского (47 примеров) периодов является семантический тип каламбура – «маска», его применение составляет более 45 % всех каламбуров.

Каламбур «маска» предполагает «резкое столкновение смысла обыгрываемых слов или фраз», при котором первоначальное понимание резко сменяется другим. Он может строиться на эффекте обманутого ожидания, когда слово «при-

кидывается» одним, а затем оказывается совершенно другим. По словам Санникова, этот тип каламбура наиболее ярко отражает сущность комического, в нем проявляется двуплановость, двухчастность [5, с. 500].

В советский период творчества каламбур «маска» часто используется Довлатовым для создания комического эффекта. Рассмотрим пример:

– *Что с вами? Вы красный!*

– *Уверю вас, это только снаружи. Внутри я – конституционный демократ.*

В данной ситуации каламбур «маска» основан на прямом и переносном значении слова «красный» – ‘покрасневший от прилива крови к коже’ и ‘сторонник или представитель партии коммунистов’. Каламбур направлен на переключение внимания собеседника со своей внешности, т. е. используется с целью уйти от обсуждения истинной причины красноты персонажа (похмелье, пьянство, повышенное давление) и перевести тему разговора в игровой аспект. Кроме того, Довлатов выражает свое негативное отношение к коммунистическому строю в стране.

Далее в тексте обнаруживаем каламбур «маску»: *цвет – явление идеологическое!*, где обыгрывается прямое и индивидуально-авторское значение слова *цвет*. Это подтверждает негативную, но явно не выраженную реакцию автора на слово *красный* в предыдущем примере.

Ср. каламбур «маску» эмигрантского периода:

На лице у Баскина выражалось крайнее отвращение:

– *Неужели будешь есть из одного корыта со змеями? Стоило ради этого уезжать из Москвы?!*

– *Почему из одного корыта? Я могу захватить из дома посуду...*

В примере обыгрывается переносное и прямое значение выражения *есть из одного корыта со змеями*. Возникает эффект обманутого ожидания: первоначально реплика воспринимается буквально из-за контекста о попытке трудоустроиться (Ср.: *Я слышал, есть место на питомнике лекарственных змей. Работа несложная. Главное – кормить их четыре раза в сутки. Кое-что убрать, там, вымыть, подмести... Платят – сто шестьдесят в неделю. И голодным, между прочим, не останешься.*

– *То есть? – гадливо настораживался Баскин.*

– *Что это значит? Что ты хочешь этим сказать?*

Беленький в свою очередь повышал голос:

– *Думаешь, чем их тут кормят? Мышами? Ни хрена подобного! Это тебе не совдепия! Тут змеи питаются лучше, чем наши космонавты. Все предусмотрено: белки, жиры, углеводы...), но когда Баскин вводит риторический вопрос: *Стоило ради этого уезжать из Москвы?!* актуализируется переносное значение слова змея ‘о коварном, хитром, ехидном, злом, подлом человеке’, меняя полностью смысл фразы. Змеи в этом случае ассоциируются с людьми, находящимися у власти в Москве, а *есть из одного корыта* приобретает значение «смириться со своим положением, ничем не отличающимся от того, в котором находился в Советском Союзе». Ведь причина отъезда автора заключалась в гонении со стороны правительства, невозможности заниматься любимым делом. И вот когда всё позади, оказывается, что ничего не изменилось, эмигранты берутся за любую работу, забывая о своей цели и намерениях. Ответная реплика персонажа *Почему из одного корыта? Я могу захватить из дома посуду...* свидетельствует о неприятии им условий ЯИ. Беленький игнорирует ироническое замечание Баскина, возвращая высказывание к буквальному пониманию.*

Каламбур «семья» характеризуется тем, что обыгрываемые смыслы также резко сталкиваются, но ни один из них не отменяет другой [Там же, с. 500]. Такие

каламбуры, по мнению Санникова, наиболее интересны, в них исследователь усматривает «богачейшие возможности для выработки самых разнообразных смыслов». Каламбур «семья» встречается в довлатовских текстах намного реже. Так, в произведениях советского периода каламбуров с таким семантическим типом – 23. С помощью такого каламбура персонаж, например, демонстрирует свои способности к языковому творчеству, пытается обратить на себя внимание, выделиться:

– Мне – **полную**, – сказал он и добавил: – Люблю **полненьких**.

Каламбурному обыгрыванию поддаются два значения слова «**полный**»: 1) *содержащий в себе что-н. до возможных пределов, наполненный, занятый чем-н. целиком* и 2) *‘толстый, тучный’*. Второе значение актуализируется, когда персонаж использует уменьшительную форму слова **полный** (*полную – полненьких* – корневая игра). Обыгрываемые значения здесь равноправны. Важную роль выполняет синтаксическое оформление каламбура. Он построен на синтаксической компрессии, что позволяет читателю самому воссоздать недостающие элементы фразы и распознать каламбурную игру (Ср.: *Мне – полную рюмку, – сказал он и добавил: – Люблю полненьких женщин* – без соответствующего синтаксического оформления каламбур исчезает).

Рассмотрим еще один пример каламбурного употребления слова:

Нет, как известно, равенства в браке. Преимущество всегда на стороне того, кто меньше любит. Если это можно считать преимуществом.

Обыгрывается здесь слово **преимущество** (*‘превосходство, качество, возвышающее кого-что-нибудь, дающее кому-нибудь перевес над другими’*). Из первой фразы вытекает вывод, что лучше в браке тому, кто меньше любит. Но уже в следующем предложении ставится под сомнение этот вывод. Семантика слова **преимущество** становится зыбкой: в данном слове на первый план выдвигается не сема *превосходства кого-то над кем-то*, а возбуждается сема *глубины и силы чувства*. Именно в эту сторону клонится семантика высказывания.

Таким представляется Довлатов на страницах повести «Иностранка». Он отходит на второй план, и в тексте появляются лишь авторские комментарии, философские размышления о жизни в «каламбурной упаковке».

Каламбур «соседи», основан на «суммировании смыслов созвучных слов» [5, с. 499] По мнению А. А. Щербины, «почти неисчерпаемым источником игры слов является созвучие, звуковая схожесть слов, семантика которых остроумно перекрещивается, причем связи у этих слов обычно более гибки и многообразны, чем у омонимов» [8, с. 51].

Сергей Довлатов обращается к каламбуру «соседи» не часто. В советский период примеров с таким типом каламбура у С. Довлатова 19, в эмигрантский – 15. Общим для советского и эмигрантского периодов творчества Довлатова является обыгрывание имен собственных, где часто отношение автора уже заложено в «говорящей» фамилии персонажа. Например, Разудалов – фамилия «разудалого эстрадника» [6, с. 184], Богатыревич – «затянувшаяся фамилия», КГБ – Кокорев Гордей Борисович, Докладов, Заплатов (о себе) и др. Иногда среди каламбуров типа «соседи» встречается обыгрывание аббревиатур и явлений псевдосинонимии и псевдоантонимии. В советский период основное назначение таких каламбуров – изображение абсурдности власти. У современного читателя такой пример, безусловно, вызывает комический эффект, но для советских людей (людей, которые жили в то время) такие случаи являлись вполне реальными, и тогда это так называемый «смех сквозь слезы»:

И вот ему <Быкову> дали ответственное поручение. Позвонить Димитрову в Болгарию. Заказать поздравление к юбилею Эстонской Советской Республики. Быков позвонил в Софию. Трубку взял секретарь Димитрова.

– *Говорят с Таллинна, – заявил Быковер, оставаясь евреем при всей своей эрудиции. – Говорят с Таллинна, – произнес он.*

В ответ прозвучало:

– *«Дорогой товарищ Сталин! Свободолюбивый народ Болгарии приветствует вас. Позвольте от имени трудящихся рапортовать...»*

Каламбур здесь построен на обыгрывании созвучия топонима *Таллин* (в род. пад.) с предлогом *с* и имени собственного, главного в то время человека в Советском Союзе – *Сталин*. Сходство в звучании столицы Эстонии и фамилия вождя, видимо, сразу привлекло филологический слух Довлатова, что и помогло автору с иронией и сарказмом описать нелепость этой ситуации, указав при этом, что «советская власть – это мы».

Отношение Довлатова к несуразностям советской жизни акцентировано здесь парцеллированными конструкциями: *«Через сорок минут Быковера арестовали. За кощунственное сопоставление. За глумление над святыней. За идиотизм».*

Использование в одном ряду книжных (*сопоставление, глумление*), церковно-книжных (*кощунственное, святыня*) слов и разговорно-сниженного *идиотизм* образует стилевой контраст. Последняя парцеллированная фраза (*За идиотизм*) отражает отношение автора к возникшей ситуации. Кроме того, обыгрывается и «сопоставление» Быковера и Сталина: – *Я не Сталин, – добродушно исправил Быковер, – я – Быковер*. И само это «сопоставление», и тон, которым оно было произнесено, советскими органами было воспринято как осквернение образа «великого кормчего». Нейтральная фраза «*Я не Сталин*», как выяснилось, и есть «кощунственное сопоставление, глумление над святыней».

В произведениях эмигрантского периода Довлатов весьма удачно строит каламбуры, которые основаны на случайном сходстве русских и английских слов:

Муся вынула из холодильника бутылку рома и подумала:

«Напьюсь и буду плакать до утра. Потом засну в чулках...»

– *Напьюсь, – сказала вслух Маруся, – жизнь кончена...*

Вдруг чей-то голос повелительно и строго молвил:

– *Жить!*

Маруся огляделась – никого. Все тот же голос еще строже и решительней добавил:

– *Факт!*

Маруся поднялась из-за стола.

И снова:

– *Жить!*

А через две секунды:

– *Факт!*

И наконец скороговоркой:

– *Шит, шит, шит, фак, фак, фак, фак... Шит, шит, шит, шит, фак, фак, фак...*

Комизм возникает из-за смыслового расхождения и стилевого контраста созвучных слов. Довлатов обыгрывает «серьезность» русских слов *жить, факт* и их «эквиваленты», самые популярные ругательства в английском языке *шит, фак*.

Частое использование каламбура обусловлено выполняемыми им функциями в тексте.

Каламбуры с оценочной функцией преобладают. Данная функция заключается в выражении субъективно-оценочного или субъективно-психологического отношения к объекту или предмету сообщения. Например, в произведениях со-

ветского периода встречаются каламбуры, передающие отношение автора к происходящему в его жизни:

Доходили слухи о каких-то публикациях на Западе. Я старался об этом не думать. Ведь мне безразлично, что делается на том свете. Прямо так и скажу, если вызовут...

В примере актуализируется два значения выражения *на том свете*: фразеологически-связанное: *‘в загробной жизни, после смерти’* и авторское из контекста *‘на Западе’*. Автор пытается убедить себя и заодно подготовить ответ органам, которые непременно вызовут его на собеседование по поводу появления публикаций на Западе. Но ироническое отношение к ситуации сквозит в двусмысленном использовании словосочетания «на том свете».

Иногда каламбуры с оценочной функцией вызывают комический эффект, выполняя и оценочную, и развлекательную функции.

В свою очередь, каламбуров с чисто развлекательной функцией у Довлатова встречается меньше. Как правило, они выполняют и психотерапевтическую функцию одновременно. Такие каламбуры имеют цель развлечь себя и собеседника, при этом данный механизм ЯИ служит средством самовыражения личности, проявления оригинальности, демонстрации языковой компетенции говорящего. Такие каламбуры часто встречаются как в советский период, так и в эмигрантский. Например:

Девушка-экскурсовод ела мороженое в тени. Я шагнул к ней:

– Давайте познакомимся.

– Аврора, – сказала она, протягивая липкую руку.

– А я, – говорю, – танкер Дербент.

Здесь используется каламбур, построенный на обыгрывании имени собственного девушки и названия крейсера Балтийского флота, который являлся символом Октябрьской революции и советской власти. Актуализируется обыгрываемое имплицитное значение после реплики Довлатова – *А я, – говорю, – танкер Дербент* (название повести советского социалистического реализма и танкера из этой повести). Авторская шутка оживляет обстановку, вносит непринужденность в изображаемое.

В советский период творчества Довлатову свойственно использование каламбура с маскировочной функцией. Такие каламбуры позволяют автору высмеять коммунистический режим и цензуру, идеологию советской власти:

Главный редактор увидел название и сразу же заметно поскущел. Он ждал чего-нибудь такого: «Герои рядом» или, как минимум, – «Душа в строю». А тут – загадочные и неясные – «Пять углов». Может быть, речь идет о пятиконечной звезде? Значит, глумление над символом?

Обыгрывается название неопубликованного романа Сергея Довлатова «Пять углов» – неофициальное название перекрестка в Санкт-Петербурге, где можно увидеть пять угловых зданий и возможные догадки подцензурного редактора, который автор сам воспроизвел: – *Может быть, речь идет о пятиконечной звезде? Значит, глумление над символом.*

Посредством каламбура с маскировочной функцией автор пародирует ход мысли советского редактора, который уже в названии видит возможную угрозу и отказывает писателю.

Таким образом, каламбур является самым распространенным механизмом семантической ЯИ советского и эмигрантского периодов творчества Сергея Довлатова. Такие особенности данного механизма, как двусмысленность, многоплановость, экономность (компрессивность), спектр выполняемых функций позволяют Довлатову воплотить художественный замысел. Каламбур в наибольшей

степени отражает специфику языковой личности С. Довлатова и является характерной чертой идиостиля писателя.

Сергей Довлатов использует все типы каламбура для иронического освещения жизни советских людей в условиях коммунистического строя страны. Каламбуры часто носят комический характер, используются для оценки персонажей или предметов и явлений действительности, для самоутверждения героя, демонстрируют остроумие персонажей или, наоборот, их необразованность (каламбур «соседи»).

По частоте употребления семантические типы каламбура используются автором практически в одинаковом количестве. Каламбур «маска» является любимым семантическим типом каламбура в творчестве С. Довлатова. Следующим по частоте употребления в прозе Довлатова является самый сложный тип каламбура – «семья», а самый простой – каламбур «соседи» – встречается реже всего. В основном каламбуры последнего типа строятся на обыгрывании антропонимов и паронимов. В эмигрантский период автор обращается к обыгрыванию сходства русских и английских слов.

Нередко довлатовские каламбуры выполняют оценочную, развлекательную, психотерапевтическую и маскировочную функции. Количество каламбуров с маскировочной функцией значительно уменьшилось в эмигрантский период. Иногда каламбуры выполняют сразу несколько функций: оценочную и развлекательную, развлекательную и психотерапевтическую и др. Единичны примеры со смягчающей, компрессивной и аллюзивной функциями.

Библиографические ссылки

1. Довлатов С. Д. Собр. соч. в 4 т. / С. Д. Довлатов – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
2. Колесников Н. П. О некоторых видах каламбура / Н. П. Колесников // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 81–85.
3. Люксембург А. М. Магистр игры Вивиан Ван Бок: Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура / А. М. Люксембург, Г. Ф. Рахимкулова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1996. – 201 с.
4. Пушкарь О. П. Каламбур как стилистический прием в творчестве С. Д. Довлатова / О. П. Пушкарь // Слов'янський збірник. – Київ, 2012. – Вип. 17. – Ч. 2. – С. 471–473.
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки русской культуры, 2002. – 552 с.
6. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Н. Сухих. – СПб. : Азбука, 2010. – 288 с.
7. Ходакова Е. П. Каламбур в русской литературе XVIII века / Е. П. Ходакова // Русская литературная речь в XVIII веке: Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. – М., 1968. – С. 201–254.
8. Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура) / А. А. Щербина. – К. : Изд-во Академии наук УССР, 1958. – 68 с.

References

1. Dovlatov, S. D. (2011), *Collected Works: 4 vol.* [*Sobranie sochineniy: v 4 t*], Azbuka Publ., St. Petersburg, Vol. 4.
2. Kolesnikov, N. P. (1971), “About certain types of pun” *Russian language at school* [“O nekotoryh vidah kalambura”, *Russkiy yazyk v shkole*], No.3, pp. 81–85.
3. Ljuksemburg, A. M., Rakhimkulova, G. F. (1996), *Magister Ludi Vivian Van Bock: Word Play in Vladimir Nabokov's Prose in the Light of a Theory of Puns* [*Magistr igry Vivian Van Bok: Igra slov v proze Vladimira Nabokova v svete teorii kalambura*], Izd-vo RGU, Rostov n/D.: 201 p.
4. Pushkar, O. P. (2012) “Pun as a stylistic mean in S.D. Dovlatov's creativity” *Slavic collection (collection of scientific works)* [“Kalambur kak stilisticheskij priem v tvorchestve S. D. Dovlatova” *Slov'jans'kij zbirnik*], Kyiv, Vol. 17. Ch.2, pp. 471–473.

5. Sannikov, V. Z. (2002), *Russian language in the mirror of language game* [*Russkij jazyk v zerkale jazykovoï igry*], Languages of Russian culture, Moscow, 552 p.
6. Sukhih, I. N. (2010), *Sergei Dovlatov: Time, place and destiny* [*Sergey Dovlatov: Vremya, mesto, sudba*], Azbuka Publ., St. Petersburg, 288 p.
7. Hodakova, E. P. (1968), "Pun in Russian literature of XVIII century" *Russian literary language in the XVIII century: Idiom. Neologisms. Puns*. ["Kalambur v russoj literature XVIII veka" *Russkaya literaturnaya rech' v XVIII veke: Frazeologizmy. Neologizmy. Kalambury*], Moscow, pp. 201–254.
8. Shcherbina, A. A. (1958), *The Nature and Severity of Verbal Art (pun)* [*Sushchnost' i iskusstvo slovesnoj ostroty (kalambura)*], Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, Kiev, 68 p.

Надійшла до редколегії 08.02.2017

УДК 811.161.2'373.231:378.4

І. М. Серебрянська

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛАСНИХ НАЗВ УКРАЇНСЬКИХ ВИЩИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ

Розглянуто питання семантичної специфіки власних назв вищих навчальних закладів у різні періоди розвитку української державності. Номінації вишів із елементом «ім'я видатної особи» розподілено за тематичними групами, які є актуальними для українського суспільства: «Наука», «Література», «Громадська діяльність», «Освіта», «Мистецтво». Здійснено статистичні підрахунки, які демонструють зміну тенденцій щодо принципів найменування вищих навчальних закладів на різних етапах розвитку вітчизняної освіти.

Ключові слова: вищий навчальний заклад, університет, тематична група, номінація, власна назва.

Серебрянская И. Н. Днепропетровский национальный университет имени О. Гончара. **СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ УКРАИНСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

Рассмотрены семантические особенности имен собственных высших учебных заведений в разные периоды развития украинской государственности. Номинации современных вузов с элементом «имя знаменитости» распределены по тематическим группам, которые являются актуальными для украинского общества: «Наука», «Литература», «Общественная деятельность», «Образование», «Искусство». Осуществлены статистические подсчеты, которые демонстрируют изменение тенденций наименования высших учебных заведений на разных этапах развития образования.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, университет, тематическая группа, номинация, имя собственное.

Serebrianska I. M. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE PROPER NAMES OF UKRAINIAN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION**

The purpose of the article is to determine semantic peculiarities of nominations of the Ukrainian universities with the element «celebrity name», tracing their dynamics in time. Proper names of higher education institutions in Ukraine are related to the names of prominent personalities who have played a great role in different spheres of the country life in different historical periods (Kiev an Rus, the Soviet Union, Independent Ukraine etc.). Studying the names of Ukrainian universities we have obtained statistics, proving that the most frequent names of modern higher education institutions are composed of the names of prominent Ukrainians who represent: the branch of science (37 %), literature (22 %) and social activities (22 %).